

В конце века в России с удивительным постоянством наблюдаются два мало связанных друг с другом явления: маразм власти и кризис языка литературы.

На нынешний конец века пришелся еще и крах советской империи, а вместе с ней — "литературы соцреализма". Из дела, в общем, прибыльного занятия литературой превратилось в самую низкооплачиваемую профессию. Собственно, вообще перестало быть профессией, способной обеспечить нестыдное существование.

В этих условиях от занятий литературой отошли многие прежние ее генералы. А писать продолжают те, кто не может не писать, то есть графоманы и немногие истинные писатели. Но вот делают они это в условиях языкового кризиса. Тем более что помимо конца века на дворе конец тысячелетия, когда как бы выстраивается в своеобразном параде планет вся тысячелетняя культура. Конечно, можно не замечать и солнечного затмения — однако от этого света не станет больше...

Лучше всего подготовленными к этому кризису оказались авангардисты: в первую очередь иронисты и концептуалисты. Некоторое время они успешно и весело, сняв славу, разгрызали свежий труп советской литературы. Но эта в общем необходимая шакальская работа не могла продолжаться до бесконечности. Когда труп уже обглодан, остается в лучшем случае самоедство, в более общем — сладкие воспоминания.

Но... новый язык литературы не может получиться из простого отрицания, пародирования или высмеивания старого. Он, как это было на рубеже XIX и XX веков, должен прорасти из того, что есть ("Когда б вы знали, из какого сора..."). И кто-то возьмет на себя неблагодарный труд садовника.

А пока все же интересны те, кто ищет, а не катится по инерции наработанной манеры. Сегодня — слово авторам, которые от пресловутого российского камня преткновения с грозными надписями пошли каждый в свою сторону, а потеряют они голову или коня — видно будет. Лишь бы нам не потерять литературу как основу и центр нашей культуры. В конце концов только культура и язык дают нации право на самоопределение.

Олег ХЛЕБНИКОВ.

Ю. КОВАЛЬ (в центре) с друзьями.

ФРАГМЕНТ ПЕРГАМЕНТА

Темный креп-де-шин ночи окутал жидкое тело океана.

Наш старый фрегат "Лавр Георгиевич" тихо покачивался на волнах, нарушая тишину тропической ночи только скрипом своей ватерлинии.

— Фок-стаксели травить налево! — раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцатое храпов, и тридцать три моголистых подошвы выбили на палубе утреннюю зорю.

Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в свое одеяло.

Лоцман Кацман в этот момент стоял на корме и пил свой утренний пиво.

— Пиво и энергетика совместимы, — сказал Суер. — Но против Кацмана у меня есть серьезные улики. В последнее время, например, я никак не могу произнести свою любимую команду.

— Фок-стаксели травить налево?

— Вот именно! Только взбегу

— Все в порядке, сэр, — ответил старательный Пахомыч.

— Не чувствуете ли вы, что кто-то ее пьет?

— Никак нет, сэр, не чувствую! — прокричал Пахомыч и снова вернулся к связке волонтеров, которая в этот момент встала на дыбы, торча во все стороны.

— Ясное дело, — сказал Суер.

— Кому нужна его дубовая энер-

тврых свидетеля. Так что не будьте, пожалуйста: пьете энергию или нет?

Лоцман печально покраснел, стукнул кулаком по столу и надвинул себе на лоб опахало.

Он молчал, как туча.

— Извините, сэр, — сказал старпом. — А ведь у нас на борту есть хороший специалист по вампирам.

— Кто это? — вздрогнул капитан.

— Как это? Матрос Вампиров.

— Тыфу ты, черт! — плюнул капитан. — А мне и в голову не приходило. Зовите его скорее!

Оказавшись в кают-компании матрос растерялся. Он стоял навтыжку до тех пор, пока не хлопнул кружала манилы.

— Матрос! — строго сказал капитан. — Осмотрите всех внимательно и скажите, кто тут из нас вампир. Подчеркиваю — энергетический!

Вампиров застеснялся. Он мялся и бубнил себе под нос:

— Служу рачительно... пекусь... заботюсь... Своего дедушку никогда не видел... Папа работал в милиции... его реабилитировали... пили больше первач... гюйс задрал в точности... А если до вампира, так это лоцман Кацман.

Лоцман мелко задрожал, скинул опахало и припер его к стенке.

— Капитан, — сказал он. — Прикажете налить мне манилы, а то, клянусь, сейчас же выпью всю вашу энергию. Для меня это пара пустяков!

Капитан кивнул, и Мак-Кингсли наделил лоцману нашего любимого свинцового напитка.

— Ваше здоровье, джентльмены, — сказал лоцман, опрокидывая кружало. — Итак, сэр, вы спрашиваете, пью ли я энергию? Приходится согласиться: пил, пью и буду пить!

— А мы не дадим! — дружно заорали Хренов и Семенов.

— Дадите как миленькие! А вы что хотите, кэп, чтобы я проводил "Лавра Георгиевича" через рифы и мели, психологические коридоры, кораллы прозы, треугольники деепричастных оборотов и при этом не пил энергию? Только на одном пиве? В то время, когда на борту имеются лица, пьющие все подряд: пиво, водку, манилу, энергию, суть души, армянский коньяк, интеллект, лошадиную мочу, слезы женщин и детей, кровь поэтов, казеиновый клей, политуру, нектар, жизненные силы! Подумайте только! Немножечко энергии Хренова! Какое преступление! Вот уж, простите, кэп, действительно — хреновина! Нет, капитан! Я пил энергию и буду пить! Я должен довести нашего "Лавра" до правильного берега.

Лоцман вытер лоб, махнул манилы и в ярости сломал опахало пополам.

— Сэр, — заметил я, — лоцман прав.

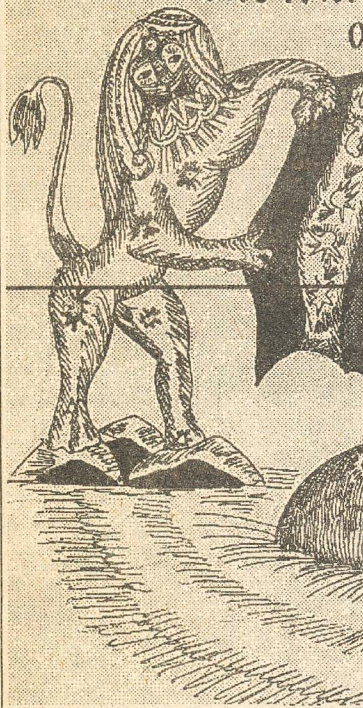
Суер-Выер задумался, взял сломанное лоцманом опахало и сложил его на составные части. Потом он подошел к лоцману и поцеловал его.

— Пей, — сказал капитан, — пей, вампир, нашу энергию. Но доведи "Лавра" до правильного берега, до острова Истины.

Юрий КОВАЛЬ (1938 – 1995)

Суер – Выер

ТЁМНЫ
ОКУТАЛ

КРЕП-ДЕ-ШИН
НОЧИ
КОЕ ТЕЛО
НА

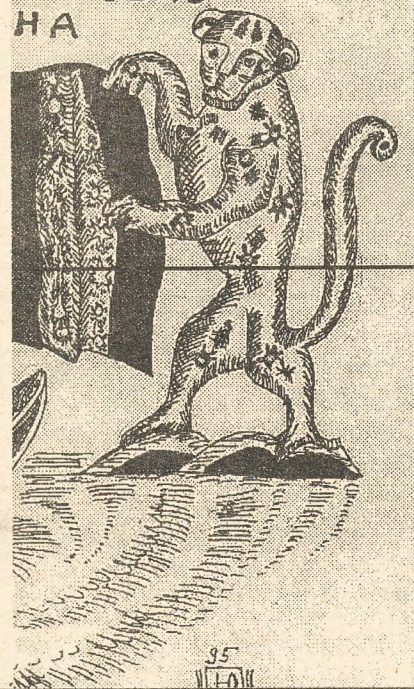

Рисунок Юрия Ковалья.

ВАМПИР

— Ты знаешь, чего мне кажется? — сказал как-то наш капитан сэр Суер-Выер. — Мне кажется, что у нас на борту завелся энергетический вампир.

— Помилуй Бог, что вы говорите, кэп?!

— Чувствую, что кто-то сосет энергию. Сосет и сосет. Ты не догадываешься, кто это?

— Не Хренов ли?

— Да нет, — поморщился капитан, — Хренов, конечно, вампир, но вампир интеллектуальный. Здесь замешан кто-то другой.

— Кто же это, сэр?

— Конечно, Кацман.

— Помилуйте, сэр. Как только еврей — так обязательно вампир энергетический. Кацман — порядочный человек.

Я тревожно оглядел палубу.

на капитанский мостик, крикну "Фок", а дальше не могу.

— Теперь и я вспоминаю, сэр, — сказал я. — Утром встану, бывало, полон энергии, выпью коньячку, закушу минтаем, — энергии до хрена! Но только подойду к лоцману — бац! — энергия начинает падать. Падаст и падает, приходится снова коньячку. Мне и в голову не приходило, что это все лоцман.

— Давай-ка спросим у Пахомыча, что он думает на этот счет, — сказал капитан. — Эй, старпом! Прощу вас, оставьте волонтеров и подойдите к нам, а волонтеры пусть пока веляются, после приберем.

— В чем дело, сэр? — спросил Пахомыч, недовольный, что его оторвали от связки волонтеров, которая каталась по палубе, волнующая качкой.

— Важный вопрос, старпом! Скажите-ка, как у вас дела с энергией?

гия? Да она просто-напросто невкусна. Нет уж, пить так пить! Нервную тонкую умную энергию — вот что любят энергетические вампиры! Старпом! — крикнул капитан. — Да бросьте вы к чертовой матери этих волонтеров! Соберите всех в кают-компании, пригласите также Хренова и Семенова.

Через минуту мы все собрались в кают-компании и расселись вокруг овального стола под опахалами.

Стюард Мак-Кингсли наполнил наши кружала отличной манилой.

— Лоцману попрошу не наливать, — неожиданно приказал капитан.

— Что такое, кэп? — удивился Кацман.

— А вы сами не догадываетесь?

— Кэп! Кэп! Сэр! — заволновался лоцман. — Ничего не понимаю.

— Зачем вам манила?! Вы ведь пьете совсем другое!

— Сэр! Клянусь! Сегодня только мой утренний пиво.

— Перестаньте притворяться, лоцман! Вы пьете энергию.

Лоцман нахмурился и неодобрительно осмотрел овальный стол и наши опахала.

— Вот вы скажите нам, Хренов, — продолжал капитан. — Пил у вас лоцман энергию или не пил?

— Конечно, пил, — отвечал мичман. — А я думаю, ладно, пускай себе пьет, не жалко. А что, разве это не полагается, сэр? Если нет — вы прикажите, я ему больше не дам ни капельки. Энергия моя, принадлежит только моему, нашей общей идее, и, конечно, моему капитану.

— А у вас, Семенов, пил он или нет?

— Немного, сэр. Он, бывало, у Хренова напьется и до меня уже доходит полностью наполненный. Да к тому же у меня все вахты, вахты...

— Вот видите, Кацман. Два